

— О! Из этого типа я сделаю героя... своего романа.

КРОКОДИЛ

ЕЩЕ КЛАНЯЕМСЯ...

начальнику управления мясо-молочной промышленности Краснодарского совнархоза тов. Е. С. МОТЫЛЕНКУ, управляющему Краснодарским мясоптицетрестом тов. Т. А. ЗАЛИСНОМУ.

зревал, что естественное превращение быков, свиней и овец в говядину, свинину и баранину может быть сопряжено с такими неестественными и разнообразными неприятностями.

Недавно, например, на станции Тоннельная произошел великий шум. Взбунтовались пассажиры товарного поезда, состоявшего из 51 вагона,— две тысячи овец. Представляете, какой это был шум, когда все они враз начали топтать копытами и голосить: «Бэ-э-э!»?

Ярость четвероногих, которые обычно служат образцом кротости и смирения, понять нетрудно. Посудите сами, уважаемые Евгений Степанович и Трофим Антонович... Откормили в колхозах овец, повезли на мясокомбинат в Анапу. Привезли, а там всему овечьему эшелону дают от ворот поворот: дескать, у нас и без вас полно!

Попнали отару на мясокомбинат в Новороссийск. И тут неудача! Что будешь делать? Повернули эшелон на восток, дотащились до станции Тоннельная, и вот там-то четвероногие горемыки, изнемогавшие от жажды, устроили вышеупомянутую шумовую обстановку. Волей-неволей пришлось остановить состав. Заготовители привезли на автомашинах 90 тонн воды, напоили жаждущих — и снова в путь! Долгое и мучительное путешествие «овечьего эшелона» закончилось только в Махачкале, где деятели мясной промышленности оказались более оперативными.

Впрочем, что уж говорить о скандале на станции Тоннельная! С разных концов Кубани доносятся до моего слуха громоподобные, немзыкальные звуки. Это возмущенные сдатчики мяса ведут на приступ многое множество рогатых, безрогих и пернатых,

штурмуют ворота одиннадцати мясокомбинатов и одиннадцати птицекомбинатов Краснодарского края. Приоткроются ворота, вступят часть наседающего поголовья, и опять — хлоп! — закрылись на замок. И тем, кто остался снаружи, зачастую остается только помычать, похрюкать, покрякать и возвращаться домой, на свои фермы.

А тем временем на трассе станция Крымская — Краснодар бесперебойно работает удивительнейший конвейер. Колхозники Крымского района гонят скотину за сто километров, в Краснодар. А с краснодарского мясокомбината туши убиенных мчатся на грузовиках обратно в Крымскую — на местный консервный комбинат.

Узнав об этом коловращении, я, признаться, весьма изумился.

— Помилуйте, — говорю, — зачем же делать крюк в сто километров! Ведь в станции Крымской есть своя бойня, почему ее не используете?

И мне отвечают назидательно:

— Ты, дорогой Крокодил, прямо идеалист. Как можно использовать эту бойню? Ведь она принадлежит другому ведомству — потребкооперации!

Так вот и путешествует по всем направлениям терпеливая кубанская скотинка! Разумеется, от этих разъездов она отнюдь не прибавляет в весе, но зато влетает в копейку. Шутка ли! 5 миллионов 476 тысяч рублей израсходовано за прошлый год на перевозки скота в Краснодарском крае! Да еще два с половиной миллиона рублей, как говорится, корова языком слизнула: аккуратно проели четвероногие, которых по 25—30 дней сверх всякого плана передерживали на базах конторы «Заготскотооткорм»!

Заранее знаю ваш ответ, мои уважаемые адресаты: дескать, имеющиеся неувязки будут в корне ликвидированы; дескать, у нас на очереди строительство мощных мясокомбинатов и холодильников. Верно, не спорю! Но позвольте вам заметить, что эти предприятия за два — три месяца не выстроишь. А время не ждет! И сейчас самое время реализовать одно очень разумное предложение Краснодарской краевой конторы «Заготскотооткорм»: договориться с потребкооперацией, у которой имеется 16 боен в Краснодарском крае, дооборудовать их и приобрести авторефрижераторы для доставки мяса на предприятия мясной промышленности. Вашими соединенными усилиями, Евгений Степанович и Трофим Антонович, эту несложную операцию можно было бы провести в два счета.

Если вам не жаль тратить время и силы на толчение воды в бумажной ступе, то пожалейте хоть государственные денежки и добрую кубанскую скотинку!

Примите и прочее

Крокодил

В НАЧАЛЕ МЕСЯЦА

Рисунки В. ДОВОЛЬСКОГО.

— У вас простой! Не беда! В конце месяца будете работать сверхурочно.

На заготовку кормов были брошены все силы:

СЛУЧАЙ В ЗИМНЕМ

По воспоминаниям участника штурма Зимнего дворца, путиловца товарища СУРКОВА.

Звенели пули в тонких люстрах,
И падал гипс на ворс ковров.
В ту ночь отчаянных и шустрых
Ловили в Зимнем юнкеров.
Мы очищали зал за залом
(А их сверх тысячи — поверь!).
По этажам октябрьским шквалом
Неслись.
И вот открыли дверь.
На нас пахнуло ароматом,
Какой на кухне только есть.
И захотелось тут ребятам
Хотя б чего-нибудь поесть.
С больших котлов сдвигая крышки,
Матрос-балтиец взял черпак,
Но вдруг отпрянул:
— Эй, братишки!
Здесь вместо рябчика колпак!..

Мы подскочили. Что за чудо!
В котле действительно сидел
Толстенный повар. Вот так блюдо!
От страха бедный обалдел.
— А ну вылезь! Ты нам не нужен.
— Почтенье bravым поварам!
— Вот если б что-нибудь на ужин
Ты отыскал, лейб-повар, нам...
Он вылезал белее мела,
Тряслись отвислые усы.
Ключами звякнув очумело,
Достал нам связку колбасы.
Мы с царской пищи сняли пробу,
И кто-то вымолвил из нас:
— Кормил ты царскую особу,
Теперь корми рабочий класс!

Мимоходом

Увязывать проект и увязнуть с проектом — это зачастую одно и то же.

* * *

Если бы лектор не усыплял себя собственными речами, он увидел бы, что и аудитория тоже спит.

* * *

Прораб-«скоростник» еще до того, как дом подвели под крышу, составил смету на его ремонт.

* * *

Самой любимой поговоркой в проектной мастерской была «Время — деньги». Там щедро тратили драгоценное время и получали за это деньги.

* * *

Выставленное художником полотно свидетельствовало о высоком мастерстве... текстильщиков.

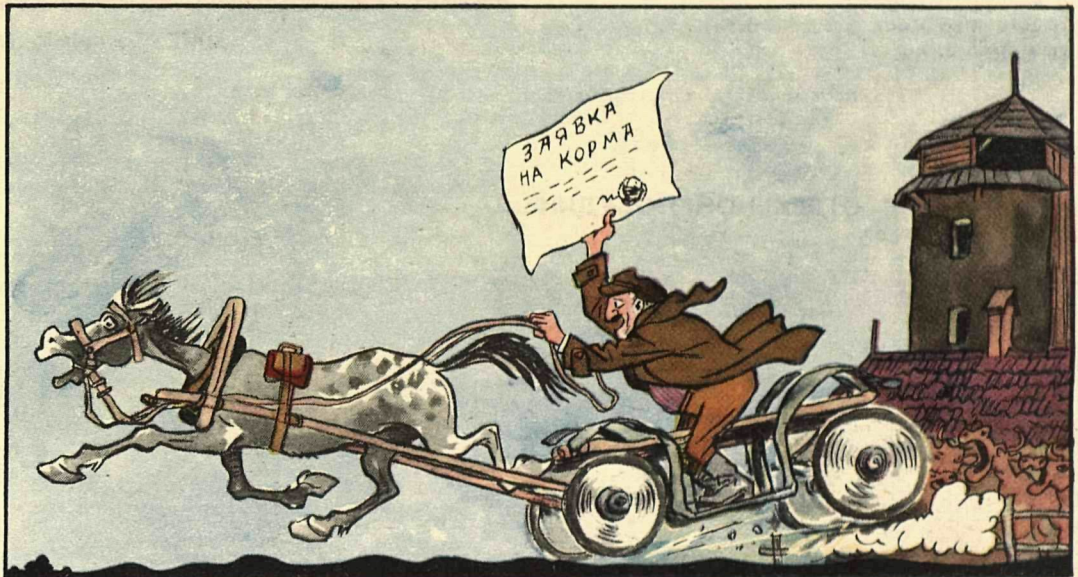
* * *

В том и искусство человека искусства, что бы жизнь в производстве не была искусственной.

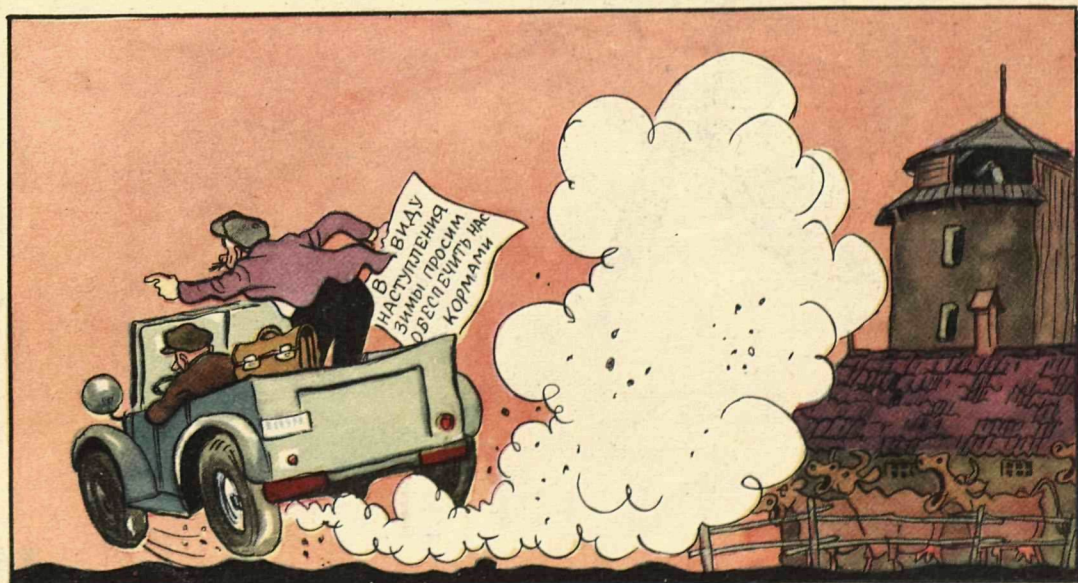
Л. МИТНИЦКИЙ

пешие

конные

механизированные

НАШЕСТВИЕ ЧЕТЫРЕНАДЕСЯТИ ЯЗЫКОВ

Рисунок Б. ЕФИМОВА.

Борзые, которых рука капитала на нас без конца выпускала.

(«Крокодил» № 11, 1922 год).

Рисунок К. РОТОВА.

ЛЖЕУДАРНИК НА СТРОЙКЕ

(«Крокодил» № 3, 1932 год).

В ОТДЕЛЬНОЙ ПОСУДИНЕ

Рисунок К. РОТОВА.

ОППОРТУНИСТ:— Что за беспокойный народ! Забираются все дальше и дальше... То ли дело плыть по течению! Куда-нибудь да приплывешь.

(«Крокодил» № 41, 1929 год).

БЕСЦЕННЫЙ РАБОТНИК

Рисунок М. ХРАПКОВСКОГО.

— Из-за меня два губсоюза дрались: Тульский и Ярославский. Тульский хотел, чтобы я работал в Ярославском, а Ярославский — наоборот!

(«Крокодил» № 4, 1927 год).

ДАЛЕКО ОТ ПЕРВОУРАЛЬСКА...

ПОПРОБУИ ПЕРЕКРОИ!

На одной из улиц Первоуральска — площадка скоростного крупнопанельного домостроения треста «Уралтяжтрубстрой». На другой улице — его же завод крупнопанельных деталей. Площадка вполне обеспечена рабочей силой и механизмами. Завод не знает нужды в рабочей силе. Чего, казалось бы, лучше! Но фундамент заложен давным-давно, а первого этажа еще не видать.

— Что ж не болно скоро строите? — со всей свойственной ему деликатностью осведомился Крокодил.

— Попробуйте! — не менее любезно предложил бригадир строителей тов. Политиков. — То пришлют с завода такую панель, что ставить совестно: трещина на трещине. То совсем ничего не пришлют. То обрадуют перекрытиями, а что, скажите на милость, перекрывать? И в самом деле: если нет стен, перекрывать вроде как нечего.

ДЕЛО ЗА МАЛЫМ...

Второй визит Крокодил нанес директору завода крупнопанельных деталей П. П. Столярову и главному инженеру Р. Л. Турко.

— Все это в общем и целом верно, — вздохнули они. — У нас получается не все, что надо, и далеко не так, как надо. Трещины заедают... — Так вы, может, того... — замылся Крокодил. — Может, вы технологию не соблюдаете?

— Соблюдали бы! С радостью!

— За чем же дело стало?

А стало оно, оказывается, за тем, что соблюдать нечего. «Временными техническими условиями по определению допустимого характера и количества трещин» завод уже обзавелся, а основной технологии до сих пор не имеет. Чего нет, того нет.

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ СЕРДИТСЯ

— Как же так получилось? — спросил Крокодил у главного технолога треста «Уралтяжтрубстрой» М. Ф. Пешкова.

— А вот так...

Сперва над технологией пенобетонных панелей размером на комнату думал по просьбе первоуральцев Центральный научно-исследовательский институт промышленных сооружений в Москве. Он же ЦНИИПС. В лице кандидата технических наук Ивана Тимофеевича Кудряшева.

Потом в порядке преемственности начал думать Научно-исследовательский институт бетона и железобетона. В лице того же И. Т. Кудряшева.

Рисунок И. СЕМЕНОВА по теме В. Васина (г. Серпухов).

В результате раздумий родился на свет проект технологической инструкции, оказавшийся на практике несостоятельным. Потребовались серьезные коррективы...

— И тогда?

— Тогда Иван Тимофеевич обиделся. И, обидевшись, рассердился. А рассердившись, вот уже три четверти года ни глаз к нам не кажет, ни весточки не подает.

НЕ В ПОЛЕ ЗРЕНИЯ

Заместитель директора Научно-исследовательского института бетона и железобетона С. А. Миронов принял Крокодила с отменной любезностью.

— Да, — сказал он, — дело обстоит именно таким образом. Оборудование, установленное на первоуральском заводе, уникальное. И выпускаемые там панели размером на комнату тоже уникальные. Если это дело пойдет, опыт первоуральцев получит широкое распространение. Но пока у них дело не ладится.

— А вы разве не можете им помочь? — осведомился Крокодил.

— Видите ли, какое дело... Эта тема, как вы, может быть, слышали, была еще в плане покойного ЦНИИПСа и разрабатывалась там товарищем Кудряшевым. Потом тема перешла вместе с Иваном Тимофеевичем к нам, и он подготовил проект технических условий. Но первоуральцы в них кое-что оспаривали, и товарищ Кудряшев, забрав свою технологию, вернулся с ней в Москву. Такой уж, знаете ли, своеобразный характер!..

Возник, естественно, вопрос: что же будет дальше? Получат первоуральцы, невзирая на своеобразный характер Ивана Тимофеевича, необходимую им до зарезу технологию или не получат?

— Откровенно говоря, — сообщил руководитель института, — эта работа как-то оказалась у нас не в поле зрения. В прошлом году мы признали ее, по докладу товарища Кудряшева, закрытой. Однако, поскольку завод в ней нуждается, мы, разумеется, будем ее продолжать. Помогать производству — прямой долг работников науки!

Ничего против не скажешь, мудрые речи приятно слушать. Но пока...

Пока на первоуральской площадке скоростного крупнопанельного домостроения все та же картина: фундамент заложен давным-давно, а первого этажа не видать...

Во всех инстанциях Крокодилу сопутствовал и беседы стенографировал С. ШЕВЕЛЕВ.

Первоуральск — Москва.

— Все убрали, только нас оставили...

Литературные СНОВИДЕНИЯ

Я заснул над шестым томом «Вопросов советской литературы», созданным Институтом русской литературы и выпущенным издательством Академии наук в нынешнем году. Почему мой организм проявил такую бестактность по отношению к плодам научной мысли?

Некогда Маяковский предположил с грустью: «И, возможно, скажет ваш ученый, кроя эрудицией вопросов рои, что жил-де такой пещец кипяченой и ярый враг воды сырой». Позднее такой ученый был выразительно воплощен А. Корнейчуком в фигуре философа Нудника. Унылые черты этого ученого отчетливо проступают сквозь страницы шестого тома «Вопросов».

Вам понравилась «Баня» Маяковского? Прочитайте же ученую книгу: «Характер текстологической работы драматурга и в особенности работа над образом Победоносикова, которая последовательно шла в направлении раскрытия и заострения отрицательных черт этого персонажа, представляет значительный интерес...» И т. д.

Вас увлек «Русский лес» Л. Леонова? Почитайте же ученую книгу: «Очевидна преемственность образов и тем в творчестве Леонова, писателя, руководствующегося соображениями и мыслями, выработанными и выношенными в течение многих лет в процессе наблюдения над жизненными явлениями, знакомства с различными людьми...» И т. д.

Чичиков приобрел мертвые души «как бы живые». А вот в академическом освещении иные писатели становятся «как бы мертвыми».

«В чем же тут дело?» — думал я, погружаясь в сон над добротной изданной книгой. И вот мне приснилось нечто из жизни и быта некоторого института... Мне приснилось заседание, на котором в конце года проверяется выполнение плана научной работы. Но странная вещь! О научных вопросах и проблемах, решенных или решавшихся учеными в течение года, не говорилось. Преобладали цифры. «Один лист, шесть листов, лист с четвертью, семь восьмых листа...» — звучали подсчеты.

— Что это считают? — спросил я соседа.

— Как что? — удивился он. — Нашу научную работу. Старшему сотруднику полагается написать в год шесть печатных листов, то есть исписать сто пятьдесят страниц на машинке. А младшему сотруднику — три листа, семьдесят пять страниц на машинке. Вот и считают, кто отписал норму полностью, а кто нет.

И действительно, раздался начальственный голос:

— Научный сотрудник Такойтов недополнил план на ноль целых семьдесят пять сотых листа.

— Неправильно! — вспыхнул Такойтов. — Я приводил в порядок знаки препинания в статье Эвонтого, и мне обещали засчитать это за лист научного сочинения. Так что я даже перевыполнил!

Развернулись прения...

— Позвольте, — спросил я соседа, — как же так? Ведь даже утиль не сдают только на вес! Как же вы в Академии наук сдаете научную мысль просто по числу исписанных страничек? А качество?

— Такой порядок... Да вы что, с луны свалились? — изумился сосед и хотел меня рассмотреть, но не смог, ибо я был там лишь во сне и вдруг стал исчезать, переходя в следующее сновидение.

От снов нельзя требовать строгой логики. Мне приснилось, что я — научная работа. Создавая меня, научный сотрудник Томуподобный строго руководствовался двумя исходными положениями. Во-первых, чтобы все уложилось в семьдесят пять страниц и, таким образом, тютелька в тютельку покрывался план научной работы за полугодие. Во-вторых, чтобы не было ничего особенно современного, злободневного. Ведь мне предстояло выйти в свет только через два года, и сегодняшние злободневности тогда уже устареют.

Томуподобный взялся за меня, когда уже никак нельзя было больше тянуть и приходилось выкладывать научный плод взамен аккуратно весь год начислявшейся зарплаты. Через мгновение все было готово, переписано на машинке и представлено на обсуждение под заглавием: «Пни и просеки в творчестве Леона Леонидова».

Обсуждение было бурным и свирепым. Одни начисто отрицали меня. Другие утверждали, что Томуподобный непомерно раздул значение пней и просек, но неправомерно недооценил роль сосновых шишек. С глубоким вниманием было выслушано выступление профессора, доктора чистописания Левойногова, неопровержимо доказавшего, что в работе Томуподобного восемь раз сряду повторяется слово «который». Надо ли говорить о моих переживаниях! А Томуподобный сидел как ни в чем не бывало. Когда обсуждение кончилось, он поблагодарил всех, унес меня и положил в стол.

Когда же стали подпирать сроки сдачи сборника, в коем мне предстояло фигурировать, Томуподобный вынул меня из стола и доработал до такой степени, что слово «который» стало повторяться только шесть раз.

После этого меня дали двум рецензентам. Один из них имел некоторое понятие о пнях и просеках, поскольку недалеко от его дачи находился небольшой лесок, но Леона Леонидова никогда не читал, так как с юных лет специализировался на причитаниях шестнадцатого века. Другой читал Леонидова, но путал пни с просеками, так как делом его жизни было изучение степных пейзажей в прозе двадцатых годов. Поэтому оба написали, что, с одной стороны, во мне есть достоинства, а именно смелая постановка вопроса, но, с другой стороны, во мне есть и недостатки, а именно частое повторение слова «который».

Изучив рецензии, Томуподобный ввел необходимую запятую и довел повторение слова «который» только до четырех раз сряду. И меня передал редактору сборника профессору, доктору чистописания Левойногову.

С железной методичностью редактор выдирает из меня всякие прос-

тедки выражения, заменяя их подлинно научными: «попытаемся проследить», «приступим к рассмотрению», «подчеркнем некоторые особенности» и так далее. Это была солидная работа, и Левойногов немалю попытлел, добываясь, чтобы «попытаемся», «приступим», «подчеркнем» гармонически чередовались.

Вскоре после этого меня вместе с другими работами представили на утверждение Ученого совета. Мы были шестнадцатым вопросом на повестке дня. И председателя и членов Совета томил зверский аппетит, и нас быстренько утвердили. Утвердив, нас положили в шкаф, и мы лежали там до тех пор, пока в издательстве не оказалось более важного дела. Тогда нас взял курьер и отнес в издательство.

Боязно было: говорят, что в издательствах ужасно придираются и печатают далеко не все, что туда приносят. Но страхи мои были напрасны. Издательский редактор и не интересовался моим содержанием, а сразу подпсал меня к печати.

В типографии моим соседом оказался очередной номер журнала. Разговорились с одной статейкой оттуда. До чего же она позавидовала моей судьбе! Ее автор ни зарплаты не получал, ни уверенности не имел, что место в журнале его дожидается.

— Насколько же лучше у вас! — сказала журнальная статья. — Вы сами пишете, сами утверждаете, сами издаете. Никакого риска, никакого беспокойства. Вот бы всем пишущим такое обеспеченное положение!

Пришлось ответить:

— Как можно! — (после полировки меня Левойноговым у меня было самочувствие не простой писанины, а соли земли, кладеза премудрости). — Как можно! Мой Томуподобный и ему подобные — это не какие-нибудь там писатели, журнальные критики. Это научные сотрудники академического учреждения! Понимаете ли это вы, брэнное ежемесячное издание?

Журнальная статья хотела что-то возразить...

...Но шестой том, над которым я уснул, свалился на пол. Не разбудив, стук перебрисил меня в совершенно другое сновидение.

...Завхоз, кряхтя, водрузил портрет Белинского на крюк и отошел поглядеть: не криво ли?

— Куда это меня повесили? — спросил портрет.

— В хорошее место, Виссарион Григорьевич. В научное место. Место по вашей части. Здесь заседают такие люди, которые пишут о самой новейшей художественной литературе.

— Какое счастье! — воскликнул портрет. — Какая радость! А то я висел в канцелярии, одно время — даже в коридоре. А теперь подле меня будут мои собратья — литераторы, журналисты, критики!

— Почему это критики, журналисты, литераторы? — обиделся завхоз. — Ничего подобного! Подле вас будут люди, научно пишущие о новейшей литературе, научные сотрудники.

— Ничего не понимаю! — вскричал Белинский. — Кто же, кроме критиков, литераторов, может писать об изящной словесности?

— Поотстали, потому и не понимаете, — укоризненно пояснил завхоз. — Ведь вы как писали? На дому, в своей комнатке, вроде кустаря-одиночки. А у нас учреждение. У нас ученые сотрудники приходят в одно время, садятся за столы и пишут о литературе: кто — статью, кто — книгу. Дисциплина! Разве настоящие писатели на это способны?

— Но скажите, — страшно заинтересовался портрет, — а журнальные критики, критики-литераторы есть в ваше время?

— Как не быть, — ответил завхоз, — но я уже говорил, что они в Союзе писателей.

— Позвольте, — еще более заинтересовался Белинский, — а что же особенного пишут ваши сотрудники по сравнению с журнальными критиками, которые в Союзе писателей?

— Видите ли, — смутился завхоз, — у меня должность научно-техническая. Но в общих чертах могу осветить. По содержанию, конечно, никакой разницы нету. Критики пишут, скажем, об Овечкине или, к примеру, о Твардовском. Ну, и наши — о Твардовском или Овечкине. Разница в подходе. Критики пишут критически, а мы — научно.

— Но критика, — воскликнул портрет, — разве критика не должна тоже быть научной?

— Понимаете, — ответил завхоз, — насчет научности я пасую. Образования маловато. Но, по-моему, по-простому, научность у нас в институте на двух китах стоит. Первое условие для научности — писать про те книги, которые не сегодня, а, скажем, позавчера вышли. Вот, к примеру, читал я в журналах и газетах статейки про роман Дудинцева, который «Не хлебом единым» называется. Эти статьи писали критики. Но и наши, конечно, научно напишут про эту книгу. Сегодня выпускаем научные сочинения о книгах, которые два года назад вышли, а о сегодняшних книгах — через два года выпустим. Некоторые чудачки, конечно, называют это отставанием от жизни. А на самом деле это научный план, порядок. Ученые слова — это и есть второй кит, на котором у нас в институте научность держится. На заседаниях такие слова слышатся — звучные, красивые, а что значат — непонятно. И как подумаешь, что говорят-то они про такие простые вещи, как книги Михаила Шолохова или Овечкина, даже восторг захватывает. Вот она, наука, что может!.. Так что повесил я вас в самое подходящее место. Говорили наши, что темперамент у вас был, да вот учености было маловато. Так хоть теперь поднаберетесь.

— В коридор! — не своим голосом закричал неистовый Виссарион. — В коридор обратно меня вешайте! Не могу...

Но тут я проснулся. Поднял с пола шестой том, повертел его в руках. Вообразилась вереница грядущих точно таких же томов «Вопросов». Седьмой. Десятый. Тридцать девятый. Девяностый...

Доколе?

ПАЛОМНИКИ ИЗ НЮРБЫ

Что может быть увлекательнее рассказов о странствующих пешеходах, о путешественниках-автомобилистах, о людях, бороздящих моря и воздушные океаны? На прошлой крокодилской субботе рассказы об удивительных путешествиях следовали один за другим, и Пестрая летопись росла, пухла и прибавляла в весе буквально на наших глазах. И когда казалось, что запас необыкновенных историй полностью исчерпан, подал голос якутский журналист Е. Виллахов, скромно сидевший до этого в дальнем углу комнаты.

— Быть может, для вашей летописи подойдет история одного путешествия из Якутска в Воронеж? — спросил он.

— Просим! Просим! — раздался голоса.

— Полгода назад, — начал Е. Виллахов, — начальство из районного центра Нюрба вызвало председателя аканинского колхоза тов. Николаева.

«А как у тебя, братец, обстоит дело с животноводством?» — спросило начальство. «Худо, товарищи руководители, — привычно ответил председатель. — Можно сказать, совсем плохо».

«Сколько ваши коровы дают молока?» «Сказать стыдно. Просто даже совестно вслух такие показатели выговорить!»

«А ты все же выговори».

«Полтора литра в день. Меньше, извините, чем козла!»

«И что же нам теперь с тобой делать?»

«Бить за это надо, — самоотверженно сказал председатель. — Наказывать! Учить!»

«Учить, говоришь?»

«И крепко учить, — подхватил дошлый председатель, зная, что самокритическим маслом каши не испортишь. — Голову за это оторвать надо!»

«Ладно, не волнуйся, — сказала начальство. — Попробуем еще подзаправить тебя опытом».

«Передовым, — догадался председатель. — Что ж, это можно. С опытом у меня как раз из рук вон плохо».

Короче говоря, включили тов. Николаева в делегацию, где, помимо него, было еще 19 человек. И поехала та делегация за девять тысяч километров в Воронеж.

Долго колесили товарищи по воронежским селам и все выпытывали, чем тутошнюю корову кормят, как поят да под какой крышей ее содержат. Ничего не скрыли воронежские колхозники, все рассказали. Поблагодарили гости за науку, сели в самолет и отбыли в родимые края.

С тех пор наши путешественники никак не могут забыть своей поездки в далекий Воронеж. Как встретятся, сразу же начнут вспоминать:

«А помнишь, друг, какие там были коровники!..»

«Дворцы против наших».

«А коровы!»

«Королевы!»

«А кукуруза! А силос!»

И все в таком же духе. Поохают, повосхищаются и разойдутся.

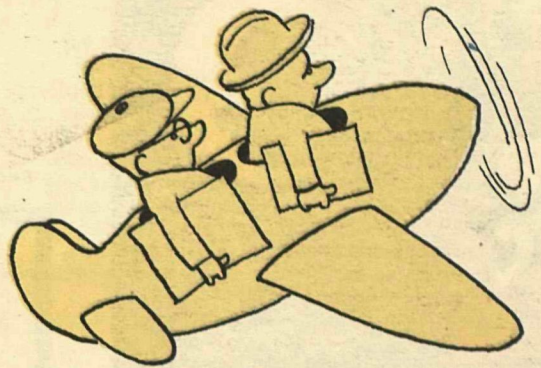
Рассказчик умолк.

— Ну, а дальше что? — заинтересовались слушатели.

— Ничего.

— А с опытом как?

— Никак. Дальше дорогих воспоминаний дело не пошло. Результатов никаких. Коровы по-прежнему дают мало молока, и кормов не хватает, и коровники никудышные, хотя кругом леса стеной стоят — руби и строй. На телят смотреть жалко...

— М-да... Но, возможно, — раздался чей-то неуверенный голос, — они попросту еще, так сказать, не успели применить у себя передовой опыт?

— Разве нужны годы, чтобы внедрить передовые методы дойки коров? Или кормления? Или выпаса? Или заготовки сена и силоса? Попросту этим никто не занимался. И вот результат. К первому сентября Нюрбинский район выполнил план заготовки сена на 59 процентов, а силоса — на 20. В августе в этом же районе от каждой коровы надоили по 91 литру молока.

Крокодил, не прерывавший до этого рассказчика, сказал:

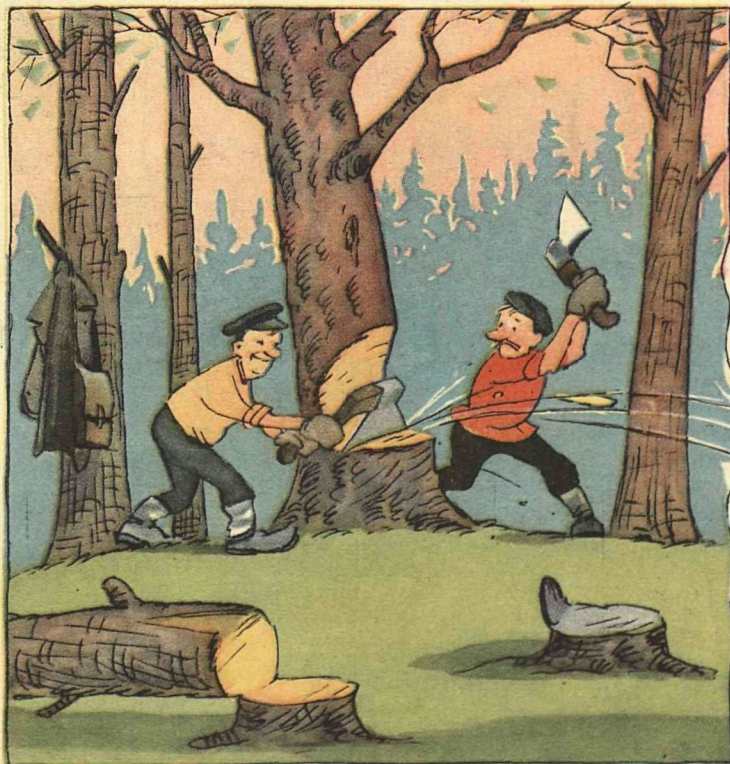
— Нюрбинские дойчики передового опыта напоминают мне паломников, которые совершали утомительные путешествия, чтобы очистить свою душу от залежавшихся там грехов. Ваши паломники совершили поклонение передовому опыту и на этом успокоились. И никто из нюрбинских организаций их не потревожил, никто толком не заинтересовался результатами поездки.

И все присутствующие согласились, что могло быть совсем иначе, если бы передовому опыту не поклонялись, а его внедряли...

На этом закончилась очередная субботняя встреча составителей Пестрой летописи.

Пимен ВТОРОЙ

Рисунок С. КУЗЬМИНА.

Лес рубят...

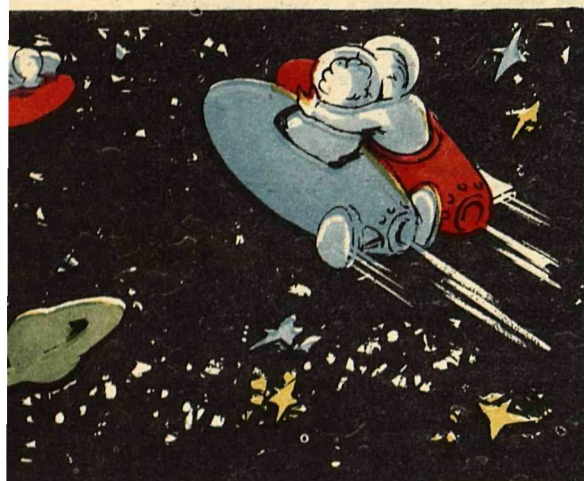
...щепки летят...

Рисунок М. УШАЦА и К. НЕВЛЕРА.

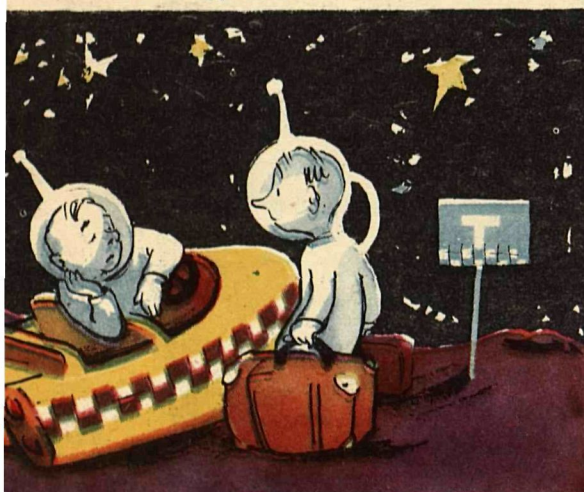
В НЕДАЛЕКОМ БУДУЩЕМ

Получил путевку на месяц.

На седьмом небе.

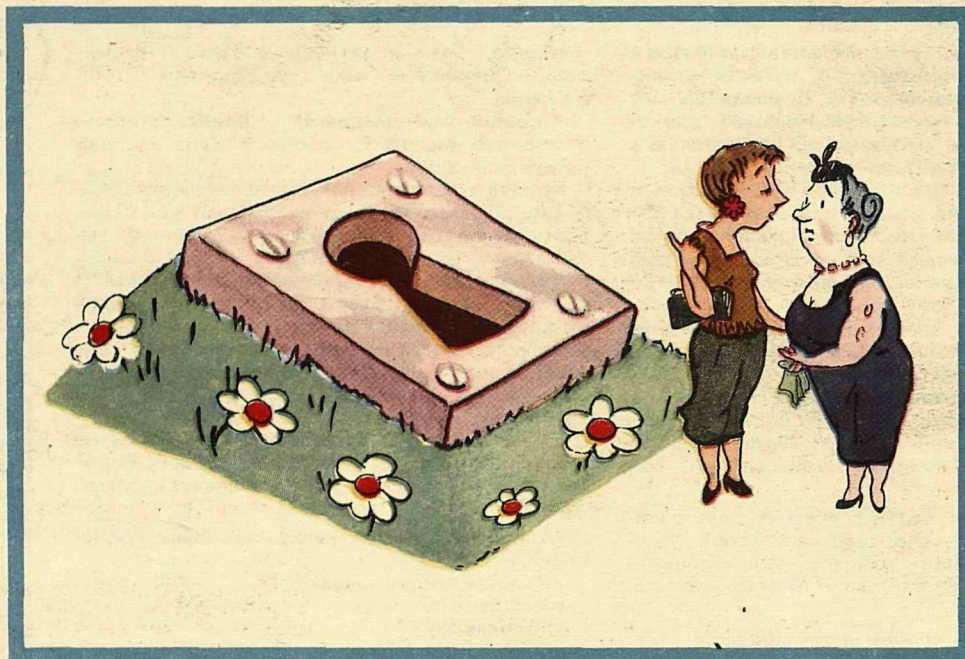
— До Урана не повезу: слишком близко.

Увязли в космической пыли.

Крокодилская смесь

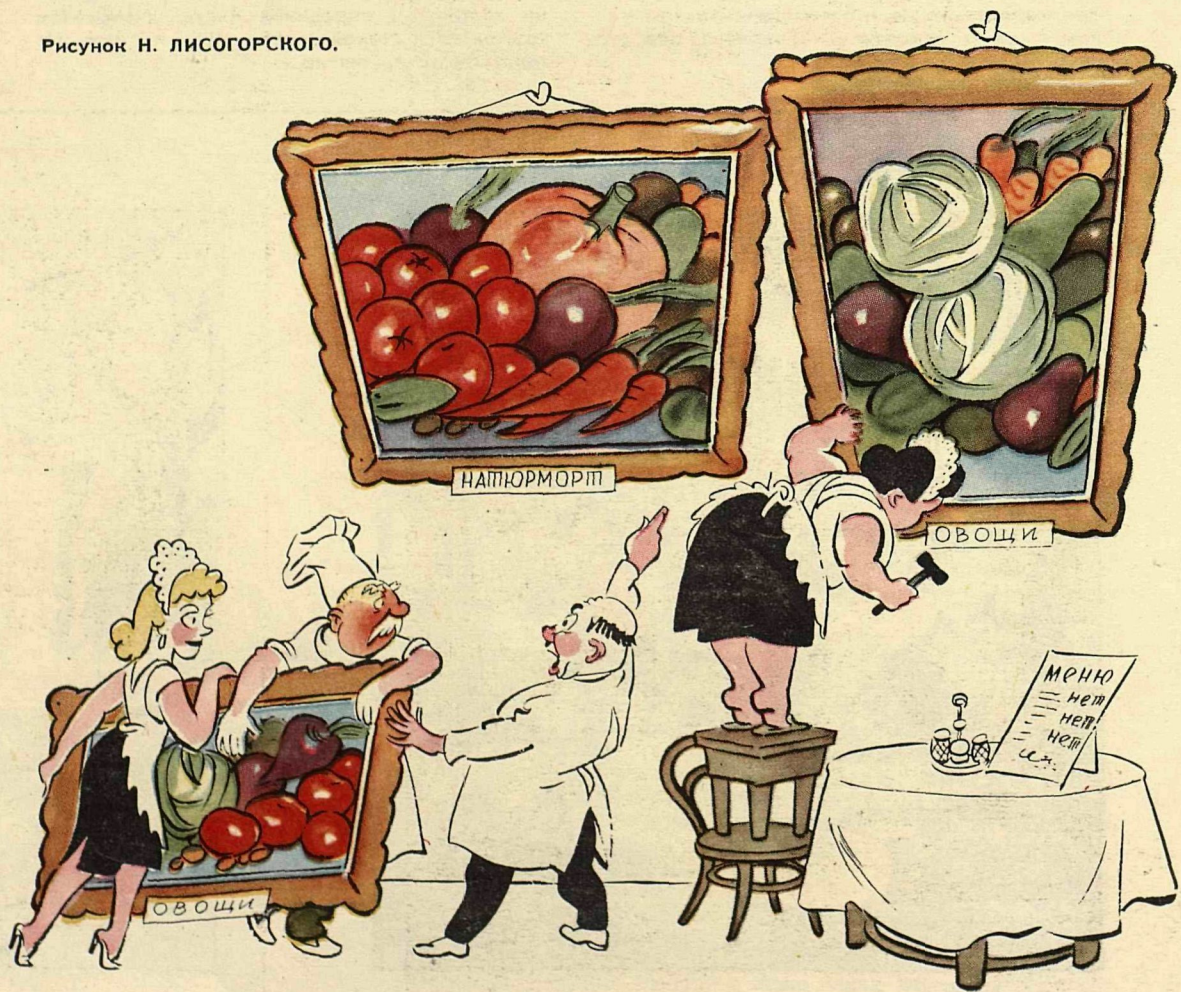
Рисунок М. УШАЦА и К. НЕВЛЕРА.

— Это памятник нашей соседке, она умерла от любопытства.

ПОЗАБОТИЛСЯ...

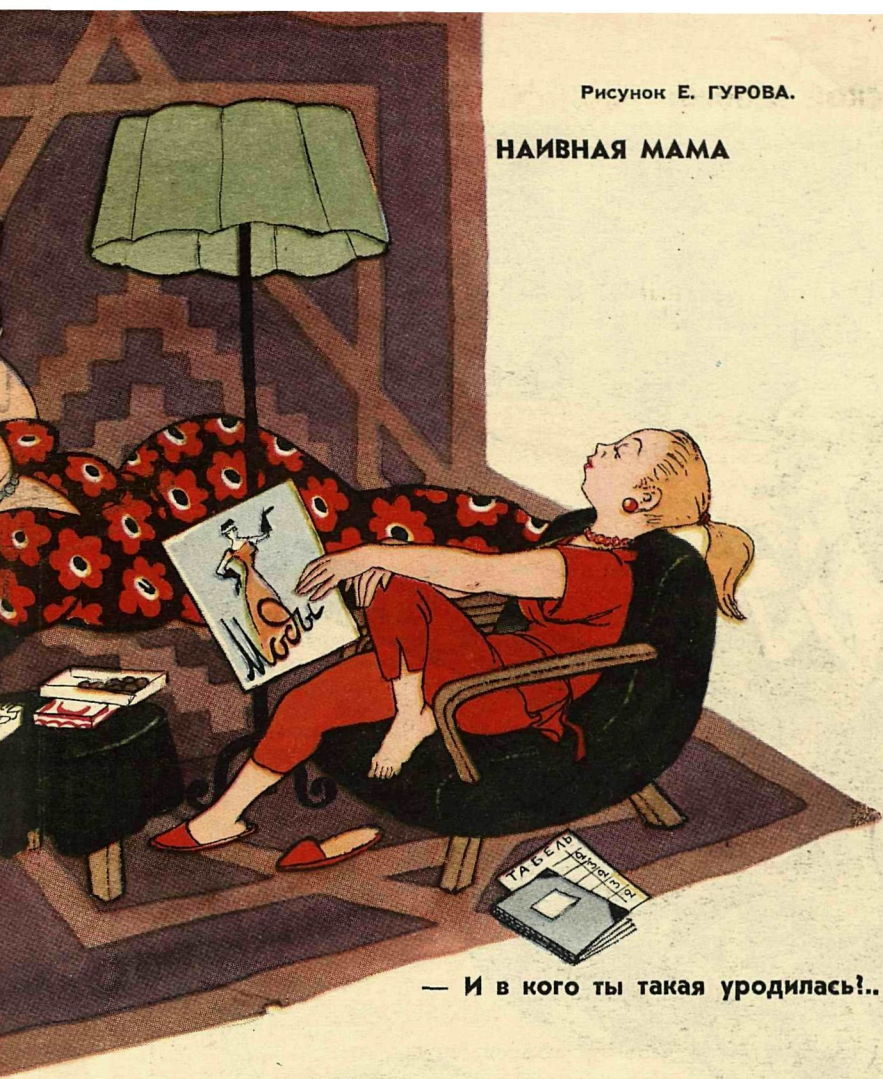
Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

— Овощей достаточно, теперь завози фрукты.

Рисунок Е. ГУРОВА.

НАИВНАЯ МАМА

— И в кого ты такая уродилась!..

ДОЖДАЛСЯ...

Рисунок А. БАЖЕНОВА по теме В. Гюнтера (Кемеровская область, г. Осинники).

Указание о ремонте наконец поступило «сверху».

БРИТ ИЛИ НЕБРИТ

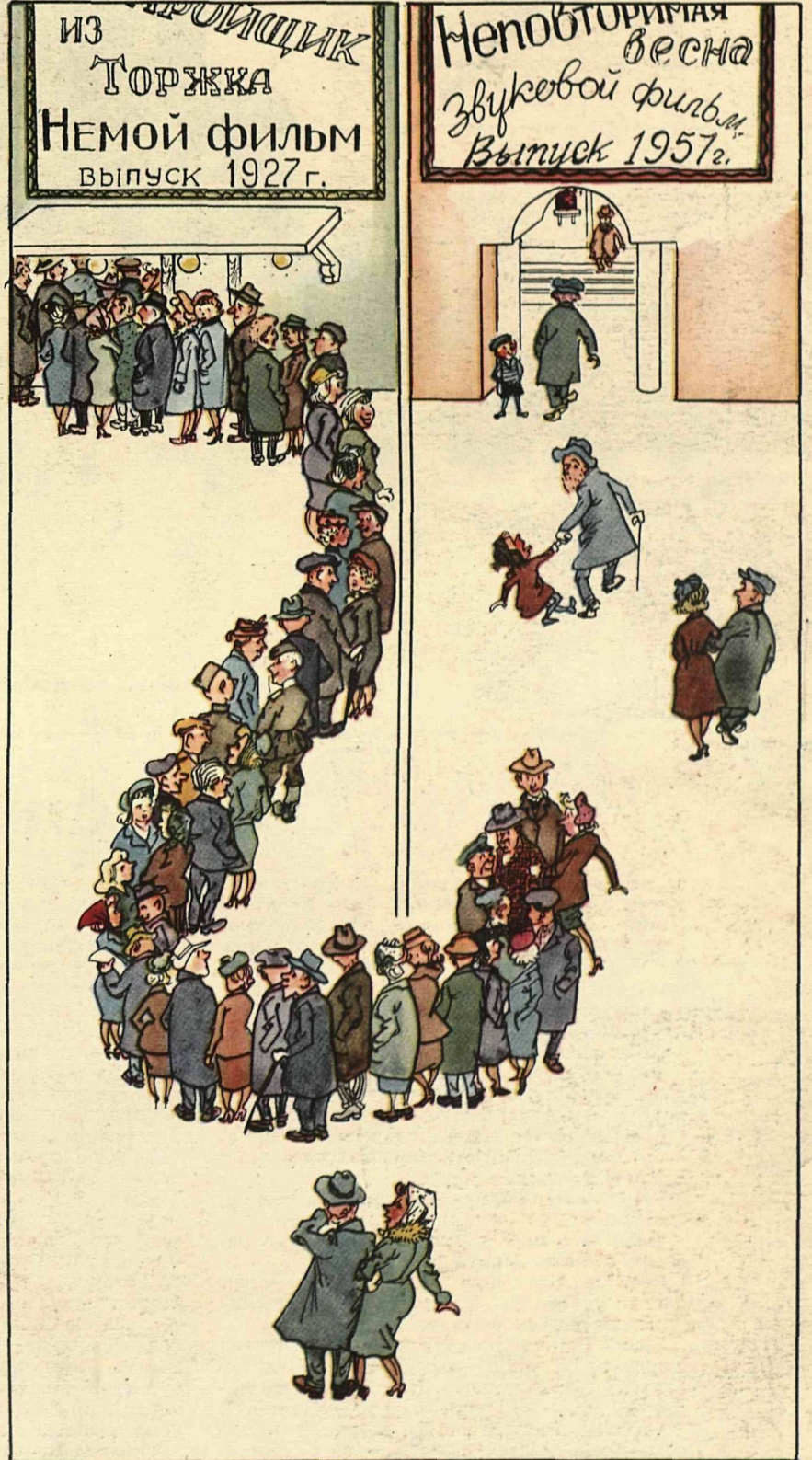
В сельских местностях еще мало предприятий бытового обслуживания.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

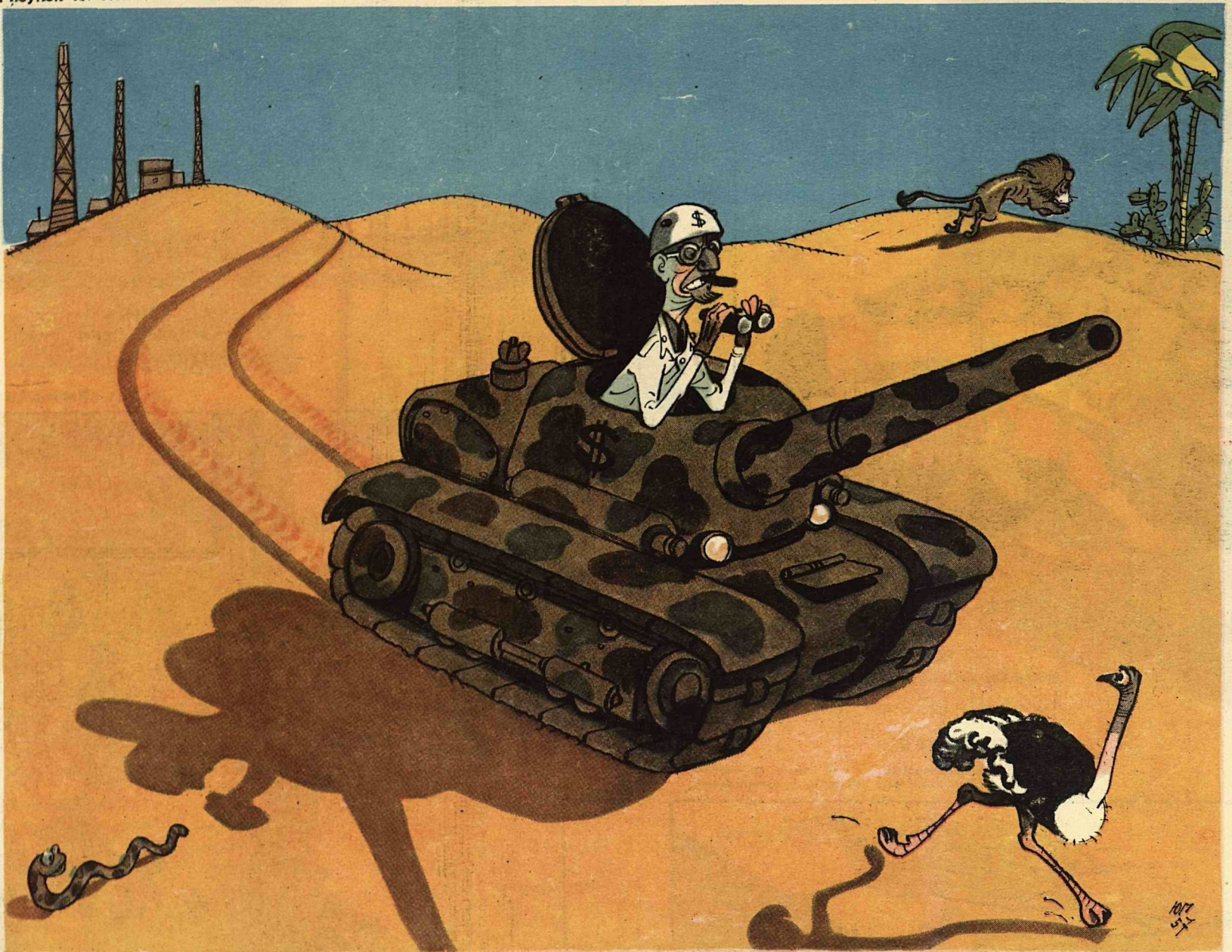

— Ты куда собрался!
 — В парикмахерскую!
 — А я оттуда иду...

Рисунок Б. САВКОВА.

НЕМОЙ УКОР

Машина по добыче полезных ископаемых.

Дэйв МАЙКЛСОН

КАК СДЕЛАТЬ ПОСЛА

Мы все читали недавнее сообщение о мистере М. Х. Глаке, миллионере из штата Огайо, который в прошлом году пожертвовал в фонд республиканской партии около 30 тысяч долларов. Сенатская комиссия утвердила его назначение американским послом на Цейлоне, хотя, отвечая на вопрос сенатора Фулбрайта, он не мог назвать даже фамилию премьер-министра Цейлона.

Это сообщение побудило меня представить себе обсуждение сенатской комиссией другой кандидатуры. Итак, я предполагаю, что сенаторы беседуют с неким Х. М. Слаком, кандидатом на пост американского посла в Англии.

Сенатор Брайтфул. Мистер Слак, чем вы занимаетесь?

Слак. Я самый крупный фабрикант сосисок в штате Монтана.

Сенатор Брайтфул. Правда ли, что вы внесли некоторую сумму в фонд республиканской партии в штате Монтана?

Слак. Вполне допустимо, что я иногда оказывал помощь моему старому другу болтуну Ханкидеккеру. Но я делал это исключительно из дружеских побуждений.

Сенатор Брайтфул. Например, в какой сумме выразилась ваша дружба с ним в прошлом году?

Слак. Я полагаю, примерно в сто тысяч

долларов. Он весьма дружелюбно настроенный парень.

Сенатор Брайтфул. Не он ли помог решить вопрос о том, кто должен получить заказ от военного министерства на поставку сосисок для армии?

Слак. Не будем делать неуместных замечаний.

Сенатор Брайтфул. Хорошо. В таком случае как вы считаете, почему вас выдвигают на этот важный пост посла в Англии?

Слак. Я всегда интересовался международными делами.

Сенатор Брайтфул. Что вы знаете о политической обстановке в Англии?

Слак. Я должен сказать, что вполне осведомлен о положении в Англии. Я полагаю, что у власти находится консервативная партия. Политика же английских консерваторов состоит в том, чтобы поддерживать дружественные отношения с нами. А моя задача будет заключаться в том, чтобы это правительство не выходило из-под нашего подчинения. А если оно вздумает насолить нам, то я напомню ему, что десятки наших военных баз расположены совсем недалеко от Лондона.

Сенатор Брайтфул. И вы считаете это дипломатическим подходом?

Слак. Безусловно. Кроме того, если мы

не дураки, мы должны устранить Англию из всех восточных стран, имеющих нефть, но так, чтобы она этого не заметила.

Сенатор Брайтфул. Знаете ли вы что-нибудь о каких-либо других партиях в Англии?

Слак. В Англии имеются красные. Они называются, дай бог памяти, лейбористской партией. Я должен буду держать этих красных под контролем и вбивать в их головы здоровые американские идеалы некоторых наших профсоюзных лидеров, поддерживающих принципы частного предпринимательства.

Сенатор Брайтфул. Очень хорошо. Я думаю, что на этом мы и закончим нашу небольшую беседу. Я могу сказать, что вы выдержали эту беседу с честью, блеснув весьма здравыми суждениями в области международного положения.

Слак. Благодарю вас, сенатор. Я заверяю вас, что приложу все усилия к тому, чтобы поддержать наши славные принципы в Англии среди этих отсталых туземцев. И я надеюсь, что если добьюсь успеха, в чем я уверен, то в следующем году заслужу перевода на действительно важный пост.

Из английской газеты «Дейли уорнер»
перевел Т. РЕМИЗОВ.

О ГОЛЛИВУДСКИХ ЮБКАХ И ПРОЧЕМ

Открытое письмо газете «Пари-пресс» (Париж, Франция)

Редакция «Крокодила» получила телеграмму. Из Парижа. От газеты «Пари-пресс».

МЫ ПРОВОДИМ АНКЕТУ СРЕДИ КРУПНЕЙШИХ ИЗДАНИЙ МИРА О ПРОЦЕССЕ «КОНФИДЕНШЛ». ПРОСИМ ОТВЕТИТЬ НА СЛЕДУЮЩИЕ ВОПРОСЫ...

— Наконец-то! — воскликнули мы.

Мы решили, что газету «Пари-пресс» наконец-то взволновал вопрос о позорной и разорительной войне в Алжире. Или что редакторы этой газеты всерьез обеспокоены ухудшающимся положением Франции на международной арене. Или что они озабочены пагубной политикой французских министров, помогающих возрождать кровавый германский милитаризм. Мы опрометчиво решили, что слово «конфиденшл» имеет отношение к одной из этих жгучих для Франции проблем.

Каемся, наша реплика была преждевременной. Оказалось, что редакторов «Пари-пресс» взволновало нечто совсем иное...

В переводе с английского «конфиденшл» значит «секретно». Что же касается Соединенных Штатов, там, оказывается, отнюдь не все то секретно, что «конфиденшл».

«Конфиденшл» — название журнала, издающегося в Лос-Анжелесе (штат Калифорния). Вот его лицо.

Штат редакции: бывшие полицейские, бывшие сыщики, а также уголовники и проститутки (не только бывшие).

Специализация: Голливуд плюс «красные». Газетчик, продавая «Конфиденшл», кричит:

— А вот последний номер широкоизвестного «Конфиденшл»! Восходящая кинозвезда закатилась в спальню к своему шефу! Сенсационные похождения известного киноактера! Микрофон под кроватью! Съемка через замочную скважину! Звезда экрана первой величины в натуральном виде! Спешите!..

Другой газетчик кричит:

— В этом же номере! В этом же номере! Вся правда о коммунистической опасности! Говард Рашмор, бывший сподвижник сенатора Маккарти, разоблачает красных в Голливуде! Потрясающая статья: «Много красных в Гарварде!» Америка под угрозой! Последние патентованные бюстгалтеры!..

Именно так: не из-под полы продается «Конфиденшл», а миллионы экземпляров растекается по киоскам и магазинам, доставляя духовную (с душком) пищу миллионам американцев.

Это и есть «Конфиденшл», отвечающий, по словам его издателя Роберта Гаррисона, «лучшим традициям американской журналистики».

Что такое процесс «Конфиденшл»?

Дорис Дьюк, владелица многомиллионного состояния, попала в «Конфиденшл». И вот ей не понравилось, что порнографический журналчик рекламирует ее, словно какую-то заурядную кинокомету. Она подала в суд. К ней присоединились некоторые другие из «оскорбленных».

Сейчас идет судебный процесс. Выступают истцы и ответчики, обвинители и адвокаты. Смакуют подробности. Еще раз перетряхивают свое и чужое исподнее белье.

Стрекочут кинокамеры. Скрипят перья репортеров. Хозяева Голливуда радостно потирают руки: этот скандал в американском Клошмерле — сказочная реклама! Как засияют после процесса кинозвезды на голливудском небе!

Таков процесс «Конфиденшл». Для парижской буржуазной газеты «Пари-пресс» этот журнал, судя по всему, является идеалом печатного органа. Газета спешит на выручку к своему заокеанскому брату. Она мечет телеграммы-молнии крупнейшим изданиям мира, взывая о справедливости. «Пари-пресс» молчит, когда в Алжире проливается кровь патриотов. «Пари-пресс» вопит, когда в Америке заделали порнографический и черносотенный листок.

«Пари-пресс» спрашивает нас:

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ПРАВО ГОВОРИТЬ О ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ?

Отвечаем: такое право существует. Оно именуется сокращенно: «Право на сплетню и клевету». Кроме того, у клеветника есть еще одно право — публичного отчета в своих поступках. Причем это последнее право нередко предоставляется тому, кто специализируется на гнусностях не только личного, но и общественного порядка. Вот примеры.

В свое время сама «Пари-пресс» состряпала такую грязную статью против Коммунистической партии Франции, что даже благонравная 17-я палата Парижского суда вынуждена была приговорить газету к штрафу.

Другой пример. Та же «Пари-пресс» совсем недавно опубликовала «письмо Ива Монтана», направленное против коммунистов. На другой же день выяснилось, что это не письмо Ива Монтана, а фальшивка, сработанная каким-то лихим сотрудником «Пари-пресс». Редакция оказалась вынужденной поместить в своей газете опровержение «автора», в котором популярный певец популярно разъяснил и доказал, что фальшивка «шита белыми, но далеко не чистыми нитками».

Отсюда урок: даже правом на свободу клеветы, дарованным буржуазной прессе, не следует злоупотреблять.

«Пари-пресс» спрашивает нас:

ИМЕЕТ ЛИ ПРАВО ЖУРНАЛИСТ ПОМЕЩАТЬ МИКРОФОН В СПАЛЬНЕ?

На этот вопрос мы предпочли бы не отвечать. Мы полагаем, редакторам «Пари-пресс» самим известно, что в порядочном обществе такого права не существует. Мы не знаем, существует ли такое право в буржуазном обществе Франции. Быть может, редакторы «Пари-пресс» завидуют редакторам «Конфиденшл»? В этом случае сотруднику «Пари-пресс», который рискнет путешествовать по чужим спальням, да еще

с микрофоном, следует посоветовать: будьте осторожны! Можно потеть не только микрофон.

«Пари-пресс» спрашивает нас:

КАКОЕ У ВАС ВПЕЧАТЛЕНИЕ: ПРАВИЛЬНА ИЛИ ЛОЖНА ИНФОРМАЦИЯ, ПУБЛИКУЕМАЯ В «КОНФИДЕНШЛ»?

На это следует ответить: что касается «коммунистической угрозы Соединенным Штатам», то лживость такого рода «информации» не может быть поставлена под вопрос; что же касается информации «Конфиденшл» насчет чужого нижнего белья, то ее можно было бы проверить, попользовавшись голливудскими кроватями с микрофоном. Если редакторы «Пари-пресс» испытывают такое желание, их коллеги из «Конфиденшл» могли бы, очевидно, предоставить им эту возможность.

Откровенно говоря, нас больше занимает вопрос об информации в самой «Пари-пресс». Например, в одном из последних номеров газета уверяет читателей, что «Москва предпримет нападение на Соединенные Штаты», вследствие чего США «смогут разрушить Советский Союз». Как видим, вопрос о качестве информации «Пари-пресс» едва ли уступает по своей важности аналогичному вопросу, касающемуся «Конфиденшл».

Наконец, «Пари-пресс» спрашивает нас:

ИМЕЛ ЛИ БЫ В СССР УСПЕХ ЖУРНАЛ ТИПА «КОНФИДЕНШЛ»?

В настоящее время в нашей стране имеет успех проект закона об усилении борьбы против антиобщественных, паразитических элементов, живущих на нетрудовые доходы. Возможно, среди этих элементов, а также среди сочувствующих им уголовно-бюстгалтерная тематика «Конфиденшл» имела бы некоторый успех. Впрочем, это предположение уже не злободневно, так как проект скоро станет законом.

Таковы наши соображения по поводу «великих» голливудских проблем, терзающих редакторов «Пари-пресс».

Рисунок Б. ЕФИМОВА по теме К. Томазо (г. Таганрог).

КАК ЭТО БЫЛО

— Примите и мой звонкий голос.

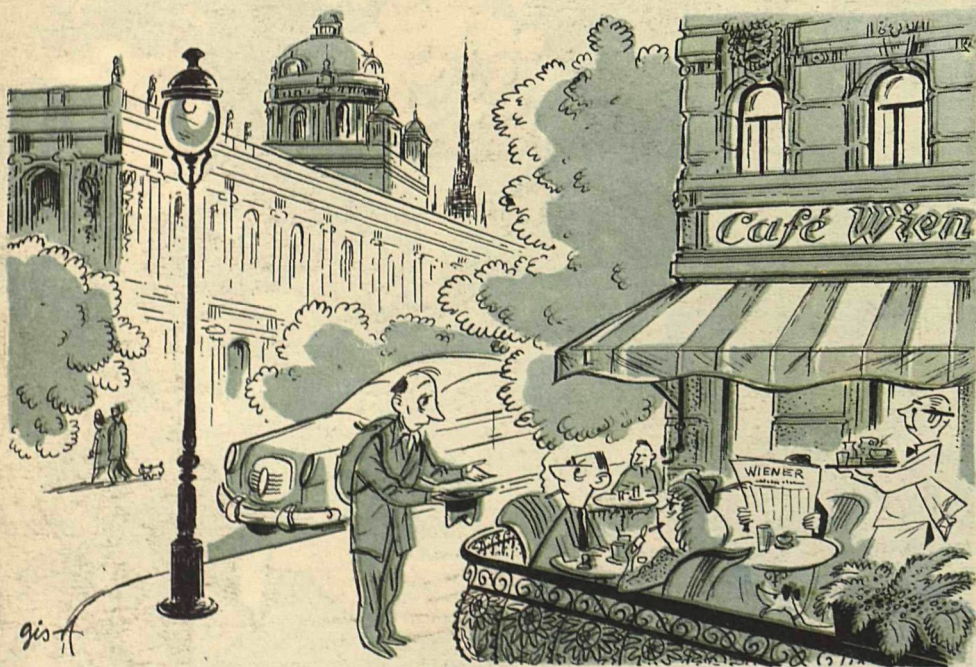

ОБРАЗОВАНИЕ ПО-АМЕРИКАНСКИ

— В школу захотели! Что ж, мы готовы вас проучить!..

ВЕНСКАЯ ИДИЛЛИЯ

Рисунок Гизи СЕГО из венгерского сатирического журнала «Лудаш Мати».

— Подайте на марку: хочу написать домой в Венгрию, как нам, беженцам, хорошо тут живется...

Предмет для размышлений

Генри Кэботу Лоджу, делегату США в ООН, хронически не везет. Что из того, что представители стран американского блока послушно голосуют за любые предложения мистера Лоджа, даже не слушая как следует его выступлений? Ведь представители других стран, не разделяющих американской агрессивной политики, наоборот, слушают его речи внимательно, а затем раскрывают и обличают перед всем миром замыслы хозяев Лоджа.

Устал мистер Лодж от пребывания в таком незавидном положении. Недавно он решил отдохнуть и выступить без оппонентов. Лучшего места, чем телевизионная студия, для этого не найти. Телезрители видят лицо Лоджа и слышат его хорошо поставленный (на службу американским монополиям) голос. Никаких реплик с места, никаких разоблачений. Весьма удобная трибуна для высказывания даже самых бредовых идей.

В своем телевещании мистер Лодж коснулся такого наиболее интересного в его груди вопроса: а нельзя ли исключить Советский Союз из Организации Объединенных Наций? Задав самому себе этот волнующий вопрос, он вздохнул и самому же себе ответил:

— К сожалению, попытка исключить Россию из ООН в настоящий момент была бы простой тратой времени. Нельзя предпринять ничего принудительного в отношении постоянного члена Совета Безопасности.

Но мистер Лодж не теряет надежды на лучшее будущее.

— Я еще подумаю об этом, — обнадежил он телезрителей.

Генри Кэбот Лодж не слышал ни смеха, ни реплик с мест. Выскзался, встал и ушел. Доволен сам. Довольны организаторы выступления: мистер Лодж подумает, а может быть, что-нибудь и похлестче придумает...

Благополучно сошедшее для Лоджа сотрясение эфира, учиненное им в телестудии, невольно наводит на мысль: а не переменить ли ему вообще трибуну ООН на микрофон телевидения? Двойной был бы резон. Делегатам на сессиях Генеральной Ассамблеи не пришлось бы выслушивать все, что заблагорассудится говорить этому представителю США. А телезрители, которые не обязаны терпеть развязную болтовню Лоджа, могли бы вовремя выключить свои приемники.

Вот над чем Генри Кэботу Лоджу действительно стоило бы подумать...

К. СЕРГЕЕВ

Пасха

Право же, с этими справками никогда не знаешь, где начнешь и где кончишь. Взять хоть моего друга, бухгалтера Руджеро Лонгена. Решил он сам водить машину. Для этого, известно, нужны права, а чтобы получить их, нужна справка, что ты хорошего поведения. Ну и отправился он в магистрат.

— Здравствуйте,— любезно сказал ему делопроизводитель,— чем могу быть вам полезен?

— Да пустяки. Видите ли, для того, чтобы получить права шофера, у меня требуют справку, где указывалось бы, что я человек хорошего поведения как в моральном, так и в гражданском отношении.

— А! — глубокомысленно протянул делопроизводитель.— И вы думаете, что это пустяки?

— Ну, как сказать. Вообще-то, конечно, это только формальность.

— Вы так считаете? К нам приходят тысячи людей, и все просят справку на гербовой бумаге, что их поведение безупречно. А мы даже не знаем, как их зовут. И вот мы должны только с их слов написать — понимаете? — написать то-то и то-то. А ведь даже учитель в школе должен прослужить три месяца, чтобы получить свидетельство о том, какого он поведения.

— Нет, нет, подождите минуточку! Не будем смешивать две разные вещи. У меня уже собраны все документы, по службе я должен разъезжать на автомобиле, и мне требуется простая справка. Вот, пожалуйста, гербовая бумага.

Делопроизводитель взял из рук моего друга лист гербовой бумаги и внимательно его рассмотрел.

— На вид вроде ничего,— проговорил он наконец.— Герб, кажется, неподдельный.

— Я купил ее в табачной лавке, тут вот, напротив.

— Все может быть, все может быть, хотя на ней это не написано. Во всяком случае, вы должны выкинуть из головы мысль, что нам ничего не стоит составить такой документ. Ваше поведение может быть безупречным, но мы же об этом не знаем. Ну вот, например, вы женаты?

— Четыре года. Двое детей.

— Отлично. А жене своей вы изменяете?

— Простите, но это никого не может интересовать!

— Почему? Вы думаете, мы можем дать вам справку, что вы хорошего поведения, если не знаем, изменяете ли вы жене или нет? Если вы так думаете, вы жестоко ошибаетесь. Приходите со справкой от своей жены, удостоверяющей, что вы ей верны, тогда поговорим. И не забудьте заверить эту справку у тещи.

Бухгалтера Лонгена, выездного уполномоченного по коммерческим сделкам, никто никогда не мог обвинить в неверности. Были, конечно, маленькие приключения в «Коммерческой гостинице», сами понимаете, но синьора Лонгена вполне могла не обращать на них

внимания. Уже на следующий день мой приятель смог снова появиться в магистрате с нужной справкой, которая стоила ему, прямо скажем, не так уж дорого. Пришлось всего-навсего пригласить тещу на обед.

— Вот, пожалуйста,— сказал он, входя к делопроизводителю.— Примерный муж. Примерный отец. Все это здесь написано. Ну, а теперь дайте мне, пожалуйста, справку, что я хорошего поведения.

— Дадим, дадим, не волнуйтесь,— ответил служащий.— Или вы думаете, что мы здесь для того, чтобы зря терять время? При вас пасхальный лист?

— Простите, как вы сказали?

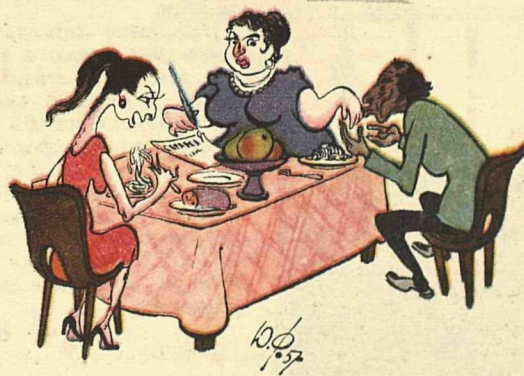
— Я говорю, пасхальный лист. Ну, билетик, который дается на пасху.

— А! Конечно, конечно,— покраснел бухгалтер Лонгена.— Но, видите ли, в настоящий момент...

— Тогда знаете, что я вам скажу? Приходите в другой момент и с пасхальным листом. При последней переписи вы заявили, что вы католик. Откуда нам знать, правду вы сказали или нет? Если, например, вы сказали неправду, то, вполне естественно, вы не вправе требовать с нас справку о хорошем поведении. Кстати, раз уж вам все равно придется иметь дело с пасхальным листом, не забудьте захватить справку, что вы воздерживаетесь от употребления спиртных напитков.

— А это необходимо?

— Ничего себе! — воскликнул возмущенный делопроизводитель.— Вы что же думаете, что хорошее поведение и алкоголизм — это совместимые понятия? А если вы пьяница? Если вы один из тех, кто начинает свой день стаканом кислого вина, а кончает его нарушением постановления о нормальном опьянении?

Терпеливый и исполнительный бухгалтер Лонгена пустился на поиски новых документов. Один его приятель из «католического действия» хотя и прочитал ему длинную нотацию за то, что он не соблюдает пасху, в конце концов все же уступил свой пасхальный лист. А десяток кабатчиков и барменов, имевшихся в его квартале, за добрую выпивку согласились написать для него свидетельство о том, что он «всегда питал отвращение к алкоголю, крайне воздержан в употреблении напитков» и сверх всего «является сыном уважаемой дамы, члена антиалкогольной лиги».

Делопроизводитель внимательно прочитал оба документа, исправил ошибки, которые допустила не слишком твердая рука одного из барменов, а затем произнес:

— Поздравляю вас, бухгалтер Лонгена. С этой стороны у вас все блестяще!

— Как,— удивился Лонгена,— есть еще и другие стороны?

— А как же! — воскликнул чиновник.— Есть и другие стороны и другие аспекты. До сих пор мы выясняли, так сказать, моральную сторону. Теперь займемся гражданской. Как у вас дела с животными?

— Боже мой, да я их обожаю! Каждое

воскресенье хожу в зоопарк, кошкам на площади Арджентина ношу свеженькую рыбку и потроха, а когда случается встретить таракана, то делаю все возможное, чтобы как-нибудь случайно не раздавить его! Хватит?

— Вполне, если все это письменно засвидетельствует общество защиты животных. Теперь остаются поезда.

— Помилуйте, но ведь я же хлопочу, чтобы получить права шофера! Теперь ноги моей не будет в поезде!

— Совершенно с вами согласен. Но кем вы были до вчерашнего дня? Пассажиром! А вы можете утверждать, что вы никогда не курили в вагоне для некурящих? Вы никогда не сбрасывали пепел на пол или мимо пепельницы? А на ходу вы никогда не сажались? Можете ли вы утверждать, что ни разу не пользовались уборной, когда поезд стоял на станциях? И вы никогда не выкидывали пивных бутылок из окна вагона?

— Никогда! — крикнул бухгалтер Лонгена.— Клянусь вам головой своих детей!

— Что же,— невозмутимо заметил делопроизводитель,— может быть, это и так. Но вот когда вы получите письменное свидетельство об этом от окружного железнодорожного управления, тогда и приходите. Да заскочите по дороге в гражданскую полицию.

— Конечно, заскочу и объяснюсь им в вечной любви.

— Нет, зачем же? Мы не так требовательны. Нам достаточно знать, что вы не переходили улицу при красном сигнале светофора, что вы не бросали на землю окурки и не выкидывали мусор в местах, для этого не предназначенных. В полиции вам дадут соответствующую справку, а с ней вы уже заходите к нам. Зайдите еще...

— Ах, зайти? О, конечно, с наслаждением!

— Э-э! Это пустяковое дело! Зайдите в общество хороших обычаев, их агент обойдет вместе с вами все публичные дома, чтобы удостовериться, что там вы незнакомы и...

— Но ведь я уже представил вам справку от жены!

— Что делать? Вчера пришло новое предписание...

Бухгалтер Лонгена сделал все, что от него требовали. В том числе посетил все дома свиданий, о которых раньше не имел ни малейшего понятия и адреса которых теперь аккуратно записал.

Когда же наконец делопроизводитель выдал ему желанную справку о хорошем поведении, нервы его не выдержали. В присутствии десяти служащих канцелярии он закинул ее в рот, тщательно разжевал и проглотил. Всю, до последнего кусочка! После этого его препроводили в психиатрическую больницу. Врачи заявили, что случай совершенно безнадежный, но, чтобы утешить родных, добавили:

— Уверяем вас, это самый спокойный больной. И примерного поведения.

Перевел с итальянского А. КОРОТКОВ.

Рисунок Е. ШУКАЕВА.

Просил 15 рублей...

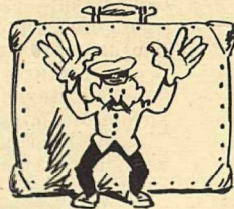
...получил 15 суток.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Советую тебе: если надумаешь прокатиться в Ленинград, обязательно поезжай в дизель-поезде. Там есть замечательная штука — камера хранения для громоздких вещей. Если ты везешь холодильник, телевизор или радиоприемник, можешь сдать в камеру, а приехав, без хлопот получить обратно, по номерку. Как пальто в театре. Очень довольны пассажиры этим нововведением.

— Довольны? — обрадовались железнодорожники. — Погодите, мы еще что-нибудь изобретем.

И изобрели. Новую инструкцию. Вот о ней я и хочу рассказать.

Подхожу я к вагону, а мне говорят:

— Сдавайте в камеру хранения и чемодан. Так положено теперь по инструкции. Вам будет просторнее и удобнее.

— Вряд ли будет удобнее. У меня в чемодане вещи, нужные в дороге. Халат, бутерброды, полотенце, мыло.

— Переложите в авоську и сдайте пустой чемодан. Авоськи нету? Переложите в бумажечку. Зато можете взять с собой в купе фотоаппарат, охотничье ружье и бинокль.

Ну скажи хоть ты, Крокодил: зачем мне ночью в купе охотничье ружье? Я стрелять не собираюсь. И бинокль мне ни к чему. Вот фотоаппарат бы пригодился: можно было бы сфотографировать начальника Главного пассажирского управления МПС Григория Петровича Запорожцева. Одна беда: он ездит в персональном вагоне и в наше купе не попадет. Камера хранения ему тоже не угрожает.

О. ИВАНОВА

Москва.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Не могу удержаться, чтобы не сообщить тебе о бодрящей струе юмора, которую внесло с недавних пор Министерство здравоохранения РСФСР в дело организации отдыха трудящихся. Оно, представь себе, обязало нас ежедневно и точно указывать имена, отчества, фамилии и возраст отдыхающих, которые занимаются утренней гигиенической гимнастикой. Если учесть, что в нашем доме отдыха таковой занимаются иногда до полутораста человек, то нетрудно себе представить, какое оживление вносит сия процедура в нашу деятельность.

Вот закончились занятия. Медсестра зычным голосом весело начинает переключку присутствующих на спортплощадке. Одни радостно отзываются. А другие, кому невтерпёж тратить на это дело полчаса и более, разбегаются; и сестра потом весь день гоняется за ними, пытается выяснить, были ли они или не были нынче на занятиях.

Правда, многие наши работники и отдыхающие недовольны этим нововведением министерства. Они считают его бюрократической, никому не нужной затеей. Чудаки! Не понимают люди, что работники министерства заботятся не столько о статистике, сколько о той бодрящей струе, о которой я упоминала в начале настоящего письма к тебе.

М. ЕПИФАНОВА, директор дома отдыха «Кисегач».

Челябинская область.

Крокодил помог

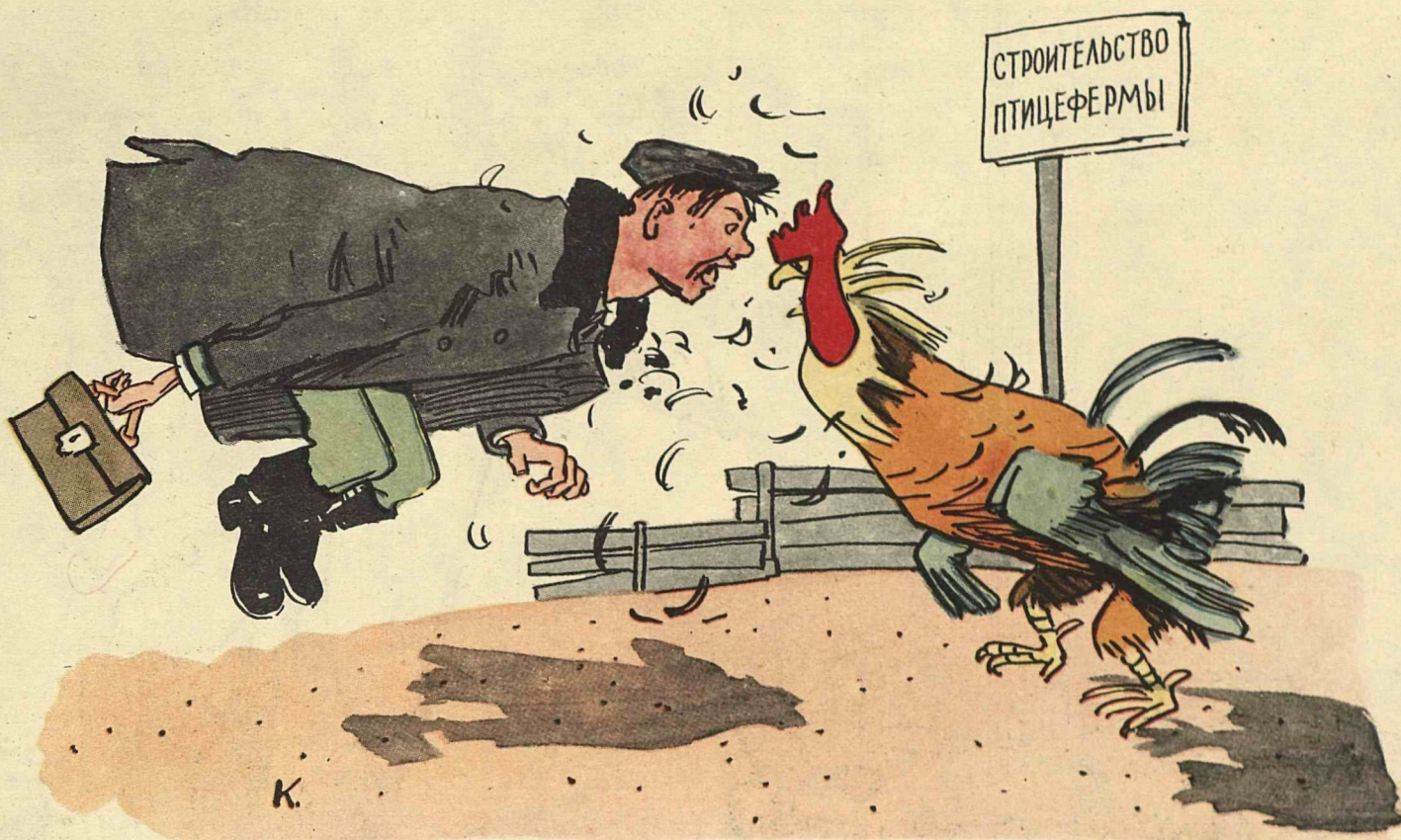
Вопросу о приписках в Амурском автотресте был посвящен фельетон «Вечер с аплодисментами» (№ 15 журнала «Крокодил» за 1957 год).

Исполком Амурского облсовета депутатов трудящихся сообщает, что управляющий автотрестом тов. Виноградов снят с работы и решением бюро Благовещенского горкома КПСС строго наказан в партийном порядке. Снят с работы и начальник райчихинской автотранспортной конторы тов. Лихоман. Остальные руководители автохозяйств, допуславшие приписки, предупреждены.

«А не вы ли взяли шайку из бани?» — под таким заголовком в «Крокодиле» № 16 была помещена заметка о том, что в гор. Камень, Алтайского края, от увольняющихся требуют отметки в самых разнообразных городских организациях и предприятиях, не исключая... бани.

Исполком Каменского горсовета депутатов трудящихся сообщил, что теперь обходные листы отмечаются на общих основаниях.

В «Крокодиле» № 23 было опубликовано письмо читателя о том, что в Верховинском районном отделении милиции дежурным по отделению оставили... арестованного на 15 суток нарушителя общественного порядка. Управление внутренних дел Кировского облисполкома сообщило: начальник Верховинского районного отделения милиции С. Злобин от занимаемой должности освобожден, приняты меры по улучшению работы милиции.

Без слов...

НЕДОСТАЮЩИЙ ПАРАГРАФ

Правила — штука весьма полезная. Подумать даже страшно, что натворили бы иные исполнители, если бы правила не подсказывали им, как надо поступать в том или ином случае!

Недавно в Невельский порт Сахалинской области для транспортно-складской конторы по ошибке пригнали из Поронайска вагон с бумажными мешками. Оставалось исправить ошибку и послать заблудившийся вагон по назначению, в Корсаков.

— Что такое, — возмутился начальник станции Невельск тов. Шипицин, — в Корсаков? Не положено.

— А как положено?

— А так... Дам другой вагон, перегрузите в него из первого бумажные мешки. В освободившийся первый вагон можете погрузить что-нибудь другое: часовые стрелки, прошлогодний снег — неважно. Теперь у вас будет уже два груженых вагона. И я их отправлю в Корсаков. Ясно?

— Зачем выкидывать из одного вагона мешки и вторично их грузить в другой?

— Не загружайте меня, пожалуйста, излишними расспросами, — отрезал начальник, — так нужно по правилам!

И пришлось Невельской транспортно-складской конторе платить:

1) за разгрузку, 2) за простой бродяги-вагона, 3) за погрузку мешков...

А был бы в правилах параграф, предлагающий исполнителям «по возможности соображать», — пришлось бы начальнику станции Невельск пойти на это хотя бы во исполнение... правил.

ВИЛЫ В БОК

КОГДА ФАУНА ЦВЕТЕТ...

Встретились два знакомых астраханца. — У меня идея, — говорит первый. — Сегодня воскресенье, пойдем чудо природы смотреть. Здесь рядом, на улице Володарского. Представляешь: стоит себе пальма, а потом вдруг ка-ак прыгнет! И стрекача! Смеху-то! А магнолия ка-ак зарычит!

— Перехватил ты, брат, по случаю воскресенья, — заметил второй. — Лишнего хлебнул.

— Хлебнул, да только не я. Читай вот афишу, областное управление культуры выпустило:

«Дорогие товарищи!

В Астрахани открыт многозальный кинотеатр «Октябрь»... В фойе зимнего помещения кинотеатра растут натуральные представители тропической ФАУНЫ: пальмы, лимоны, магнолии, армы и др. редко встречающиеся растения».

— В самом деле, интересно, — сказал второй астраханец. — До сих пор пальма относи-

лась к флоре. А фауной именовались львы, тигры и прочая живность. Впрочем, может быть, теперь в тропиках все наоборот? Может, там сейчас жирафы расцветают, а кактусы бегают вперегонки?..

Вопрос пока остается без ответа. Подождем, когда Астраханское областное управление культуры внесет в него ясность.

ПРИЧИНА ЗЛА

Не всегда можно быстро найти единственно правильное решение. Особенно в сложных вопросах.

Однако этим искусством блестяще владеет А. Бухарев, руководитель отдела кинофикации Куйбышевского управления культуры. К нему в руки волею судеб попало письмо нашего читателя А. Денисова. А в письме том говорилось, что один из стендов кинорекламы в г. Куйбышеве пустует уже второй год.

Тов. Бухарев быстро отыскал корень зла: это сам стенд. Ну, предположим, можно наклеить на него разок — другую рекламу. А потом он опять будет пустовать? Нет уж! И ответил Крокодилу:

«Ваше замечание о некультурной, давно бездействующей рекламной витрине Куйбышевской конторы кинопроката совершенно справедливо. После напоминания об этом управляющему конторой кинопроката указанный рекламный стенд снят».

Вот теперь-то уж нечему будет пустовать! Причина зла изъята.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ. Редакционная коллегия: И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЯНИ, И. А. РЯБОВ, И. М. СЕМЕНОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Прием ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 07525. Изд. № 1158. Подписано к печати 28/IX 1957 г. Формат бум. 70×108½. Заказ № 2527. Тираж 1 000 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

9 OCT 1957

Рисунок В. ГОРЯЕВА.

ПОД СЕНЬЮ БАГДАДСКОГО ПАКТА

20995

— А вот наши достопримечательности: американский аэродром, английская нефтяная компания, французский банк...